

бэ догнать ‘заболеть гепатитом Б’, *воспаление лёгких поймать* ‘заболеть воспалением легких’.

Таким образом, по представлениям староверов, здоровье дано человеку изначально Богом, а болезни связаны с нарушением Божьих законов и Божьей воли, с действием неуправляемых сил природы и злых людей. По данным языка, человек — пассивное существо; если он будет активным, болезнь все равно его одолеет (материалы жаргонов). Ср. такое рассуждение: «Общая идея здоровья наиболее четко и ярко проявляется в южнославянских традициях. Если северные славяне заботятся о том, чтобы не заболеть, то южные — о том, чтобы быть здоровыми. Это иная тактика и стратегия, наступательная, а не оборонительная» [Усачева, 2008, 262].

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

Усачева В. В. Магия слова и действия в народной культуре славян. М., 2008.

Е. В. Кралина

Уральский федеральный университет, Екатеринбург
catiche2005@rambler.ru

Когнитивные подходы при исследовании исторической семантики на примере слов *граница (грань), межа и рубеж*

Вопрос о возможности применения когнитивных подходов в этимологии и исторической семантике в настоящее время является достаточно спорным. Это обусловлено тем, что когнитивная лингвистика опирается обычно на синхронный («живой») материал, легко верифицируемый в количественном отношении. Многие когнитивисты прямо заявляют, что для исследования необходим обширный корпус употреблений изучаемого языкового факта.

Однако это требование не останавливает специалистов, работающих с историческим материалом, так как даже ограниченный корпус

© Кралина Е. В., 2015

может в некоторых случаях дать достаточную почву для анализа исторических фактов в когнитивистском ключе. Фактор «культурного предвыбора» (в терминологии Л. Талми) остается актуальным для когнитивных исследований языка, хотя зачастую игнорируется учеными-синхронистами.

Благодатным материалом для таких исследований являются лексемы и словообразовательные гнезда с пространственной семантикой. Когнитивное моделирование пространственных категорий и отношений в языке на историческом материале дает значимые результаты как для когнитивной лингвистики, так и для исторической семантики. Учет различий в изначальных мотивационных моделях особенно важен при работе со словами, обозначающими схожие понятия.

В исторической перспективе русского языка понятие территориальной границы реализовано тремя основными лексемами: *граница* (*грань*), *межа* и *рубеж*. Существуют контексты, в которых представлены все три данных синонима: «Межю учиниль, грани тесаль, и рубежи клаль» [Срезневский, 3 (1), 179–180], — хотя чаще встречаются те, где упоминаются лишь два из способов маркировки присвоенного пространства.

Этимологически слово *межа* произведено от прилагательного **medhiā* (от **medhiōs*) со значением ‘средний’, ‘срединный’, при этом само значение ‘граница; межа’ достаточно древнее. Значение срединного местоположения вскрывает изначальную пространственную модель соположения, которая влияет на этимологическое гнездо в целом. Интересно, что данная модель пространства предполагает скрытое отождествление занимаемой территории и субъекта-посессора, что доказывается, например, историческими контекстами с предлогом *между*, а также представлением об обоюдном владении *межой*, ср. у Даля: «Межа и твоя и моя». При этом *межа* представляет собой пространственный промежуток (*spatium*), т. е. обладает площадью, «функционально» ограниченной по сравнению с хозяйственно осваиваемыми наделами, которые подвергаются межеванию.

Слово *грань* (*граница*) производно от глагола **graniti*, для которого ведущей оказывается семантика обработки древесины (этимологически в гнезде прослеживаются связи с древней семантикой роста). От значения ‘зарубка на дереве, затес’ до более абстрактного значения ‘границы земельного участка’ слово *грань* (и впоследствии заимствование

граница) эволюционирует благодаря способу освоения присвоенного пространства: обходу по периметру надела. При этом представление о соседствующих наделах деактуализируется. Поэтому *грань* (*граница*) репрезентирует пространственную модель ограничения пространства, экстенсивно расширяющегося по мере его освоения.

Рубеж (в диалектах и исторических источниках также *рубѣц*) интересен тем, что подобно *границе* (*границе*) произведен от глагола с деструктивной семантикой (**rubiti*), в которой немаловажным компонентом являлась ‘обработка древесины’. Слово *рубеж* изначально обозначало в большей степени действие, а не только результат. В то же время наличие в гнезде большого блока значений, связанных с деструктивным взаимодействием во время рукопашного боя, обусловило восприятие зоны *рубежа* как зоны конфликта, пространства, «подлежащего» присвоению. Это подтверждается и его контекстной сочетаемостью (ср. *взять / положить рубеж*). Кроме того, *рубеж* в некоторых контекстах репрезентирует не только плоскостную модель пространства, но также задает ось его освоения по вертикали.

Несмотря на понятийную схожесть трех данных лексем и взаимозаменяемость их в исторических контекстах, за ними стоят разные когнитивные модели пространства и его освоения. На базовом уровне *рубеж* коррелирует с *гранью* (*границей*), так как в данном случае главным моделиобразующим фактором выступает сам способ маркировки присвоенного пространства, и речь здесь идет о «пространстве-контейнере». Оба слова противопоставлены с этой точки зрения *меже*, репрезентирующей скорее «пространство вещей».

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб., 1893–1912.